

HAL
open science

Русская церковная эмиграция и Московский Поместный собор 1917-1918 годов: принятие и применение соборных решений в 1920-1930 годах

Antoine Nivière, А Нивьер

► To cite this version:

Antoine Nivière, А Нивьер. Русская церковная эмиграция и Московский Поместный собор 1917-1918 годов: принятие и применение соборных решений в 1920-1930 годах. Альманах Св.-Филаретовского Института, 2018, pp.88-110. <hal-02410234>

HAL Id: hal-02410234

<https://hal.univ-lorraine.fr/hal-02410234>

Submitted on 13 Dec 2019

HAL is a multi-disciplinary open access archive for the deposit and dissemination of scientific research documents, whether they are published or not. The documents may come from teaching and research institutions in France or abroad, or from public or private research centers.

L'archive ouverte pluridisciplinaire **HAL**, est destinée au dépôt et à la diffusion de documents scientifiques de niveau recherche, publiés ou non, émanant des établissements d'enseignement et de recherche français ou étrangers, des laboratoires publics ou privés.

Antoine Nivière

А. Нивьер

**Русская церковная эмиграция и Московский Поместный собор 1917–1918 годов:
принятие и применение соборных решений в 1920–1930 годах**

В 1920–1930 гг. на территории Советского союза стал невозможным созыв нового Поместного собора Российской православной церкви (два состоявшихся в 1923 и в 1925 гг. собора обновленцев признаются раскольническими и антиканоническими), а также исполнение решений Собора 1917–1918 гг. В русской эмиграции ситуация была совсем другой. Здесь, как отмечает историк М. В. Шкаровский, «соборная традиция получила определенное продолжение» [*Škarovskij, 306*].

Лишенные непосредственного общения со своим предстоятелем, патриархом Московским Тихоном (Беллавиным), религиозные общины, живущие в эмиграции, столкнулись с совершенно новой ситуацией, требующей появления неординарного церковного устройства. В первые годы изгнания в этом направлении было предпринято несколько инициатив. Однако эти инициативы предпринимались одновременно и поэтому иногда противоречили друг другу, создавая путаницу, что и привело в итоге к возникновению трех параллельных юрисдикций, каждая из которых имела свои епархиальные и приходские структуры, конкурирующие на одной и той же территории¹.

Речь идет, во-первых, о так называемой Русской «зарубежной» церкви, организованной группой епископов, эмигрировавших в Сербию (*далее* — РПЦЗ). Руководство РПЦЗ, разорвав с 1926 г. все отношения с заместителем местоблюстителя Московского патриарха, стремилось распространять свои полномочия на всех русских эмигрантов, рассеянных по всему миру. С другой стороны, во главе русских церковей Западной Европы был поставлен митр. Евлогий (Георгиевский), который пытался сохранить единство с Москвой, но в 1931 г. был вынужден перейти под временное покровительство Вселенского (Константинопольского) патриарха в границах экзархата, имеющего особый статус внутренней автономии. Как реакция на решение митр. Евлогия возникла третья группа, весьма ограниченная по составу, предпочитавшая во что бы то ни стало сохранять верность митр. Сергию (Страгородскому), который возглавлял временно остатки Русской Церкви на территории СССР в ситуации преследования и жесткого контроля со стороны советских властей.

¹ В данном случае мы оставляем в стороне Северную Америку, Азию с епархиями в Японии и на Дальнем Востоке, а также китайскую и палестинскую миссии.

Причины этих юрисдикционных разделений многочисленны: споры о первенстве и соперничество как среди иерархов, так и в их окружении; обострение политических противоречий в русской эмиграции; вторжение внешних сил в церковные дела; сведение православной веры к простой религиозной составляющей части, определяющей национальную идентичность. Многообразие причин не снимает вопроса об общей ответственности сторон за нарушение церковного единства. Но есть еще одна причина разделений, которая осталась почти незамеченной: это столкновение тенденции усиления централизма в церкви, пропагандирующего «монархическое» епископское правление, и течения, которое требует большей децентрализации в церкви и более широкого участия мирян в церковных структурах. Именно эти тенденции оказались в центре размышлений собора 1917–1918 гг. и вызвали уже, по словам очевидца, «горячие споры»².

Цель нашего исследования — показать, как Московский собор смог послужить отправной точкой в организации разных церковных учреждений, возникших в 1920–1930 гг., и как эти учреждения применили или не применили решения собора.

Память о Московском соборе в эмиграции

В самом начале церковной жизни эмиграции авторитет Московского собора был очень велик³. Пережитый на соборе опыт соборности оставил сильное впечатление в умах и сердцах тех, кто после разгрома Белой армии нашел прибежище за границей. Из участников собора в эмиграции оказались четырнадцать епископов, восемь священников и восемнадцать мирян — всего 40 человек. По отношению к общему числу участников собора (564 человека)⁴ цифра была не велика, но среди них (особенно среди епископата) были личности первого плана. В первую очередь следует назвать митр. Киевского Антония (Храповицкого), известного богослова, сыгравшего существенную роль в восстановлении патриаршества. Митр. Антоний лидировал в последнем туре голосования в ходе избрания патриарха, но жребий указал в итоге на митр. Тихона (Беллавина). Естественно религиозная жизнь эмиграции начала организоваться именно вокруг митр. Антония, под председательством которого в конце 1920 г. в Константинополе было создано Высшее русское церковное управление за границей (*далее* — ВЦУЗ).

² Выражение принадлежит митр. Евлогию, который в книге воспоминаний среди наиболее сложных тем для обсуждения в ходе работы предсоборного присутствия, которое готовило собор в мае–июне 1917 г., обозначает вопрос участия мирян в каждом из трех уровней церковной власти: 1) центрального управления церкви; 2) епархиального; 3) приходского. См.: [Евлогий 1947, 291].

³ «В русской церковной эмиграции авторитет Московского собора 1917–1918 гг. был чрезвычайно высок, а отношение к нему трепетным», подчеркивает В. Александров [Александров, 135].

⁴ См. список участников Московского Поместного собора, пребывающих затем в эмиграции, в статье Н. А. Кривошеевой: [Кривошеева].

С весны 1921 г. в эмиграции стала активно обсуждаться идея созыва общего церковного собрания «для объединения, урегулирования и оживления церковной деятельности» русской диаспоры⁵. Предполагалось по образу Поместного собора собрать членов епископата, находящихся в изгнании, а также представителей духовенства и мирян. В итоге это собрание состоялось в ноябре–декабре 1921 г. в Сербии, в Сремски-Карловци. В нем участвовало шестнадцать епископов, тридцать священников, семьдесят мирян, имевших разный статус. Одни представляли свои приходы или военное духовенство, рассеянное по Европе, другие были приглашены епископами или присутствовали по долгу службы. Так, девятнадцать членов Московского собора, находившихся в эмиграции (не считая епископов), имели право присутствовать на собрании в Карловцах, поскольку их полномочия давали им возможность до следующего собора участвовать в любом церковном собрании, где бы они ни находились⁶, но только десять из них смогли приехать.

Собрание в Карловцах, которое началось как простое «церковное собрание», присвоило себе к концу своих работ название «Собора Русской церкви за границей». Его проведение имело серьезные последствия. Дебаты выявили умеренную и неполитическую линию, которую представлял архиеп. Евлогий, и радикальную тенденцию, которой придерживалась группа активистов-монархистов, потребовавшая при поддержке митр. Антония принятия декларации с призывом восстановления династии Романовых. Это заявление оказало прямое влияние на судьбу патриарха Тихона, который был арестован советскими властями в Москве в 1922 г. и был вынужден отделиться от епископов-эмигрантов, приказав в мае 1922 г. распустить ВЦУЗ. Иерархи повиновались, но поспешили создать вместо ВЦУЗ Синод русских епископов за границей, который дал им верховную власть, поскольку патриарха они считали отныне несвободным в своих действиях.

Для осмысления новой ситуации, в конце 1922 г. был запланирован новый собор клириков и мирян, перенесенный в итоге на год, а затем отложенный на неопределенный срок⁷. В действительности же епископы, оказавшиеся в Сербии, проявили недоверие к риску «демократического» отклонения нового собора, поскольку их пугала мысль, что небольшая группа политизированных мирян сможет снова навязать им свое мнение⁸.

⁵ См.: Постановление ВЦУЗ от 25.4.1921 [*Постановление*, 3].

⁶ Согласно § 1 и § 3 Положения Московского собора от 18.09.1918 г. «О полномочиях членов Собора».

⁷ См.: Указ от 13.9.1922 о создании «Временного синода русских архиереев за границей» и Указ о созыве нового заграничного церковного собора к ноябрю 1922 г., в журнале *Церковные Ведомости*, Белград, 1922, № 12-13, с. 3–4.

⁸ Разногласия, возникшие вокруг проекта созыва нового Всезаграничного церковного собора, были изучены ныне покойным иером. Евфимием (Логвиновым), который хорошо показал, что именно страх влияния со

Только в 1938 г. в Карловцах состоялся 2-ой Собор РПЦЗ, не имевший особых практических результатов. Между тем, право принятия решения в этой церковной организации, которая теперь сама обозначалась как «свободная часть Русской Церкви» в отличие от Московского патриархата, показавшегося ей подчиненным атеистическому и антирелигиозному режиму, полностью перешло к новому органу — архиерейским соборам, которые собирались в Сербии ежегодно с сентября 1922 г. до 1938 г.⁹

Ощущая умаление духа Московского собора, некоторые из его участников, обосновавшиеся в Праге, обратились весной 1923 г. к митр. Евлогию с просьбой поддержать их замысел создать «братство», которое должно было бы собрать проживающих в эмиграции членов собора «для духовного возрождения русского народа»¹⁰. В своем ответе 30 апреля митрополит написал им:

В настоящее время, когда в России ломаются все устои Православной Церкви, когда и за границей среди русской эмиграции не всегда ясно понимается и не твердо помнится все живое единение с этим собором, так важно, так необходимо, напоминать и укреплять святейшие заветы и веления этого Собора. Среди царящего кругом сумбура разнообразных церковных течений так нужно и в себе самых выявлять и другим внушать незыблемую и непререкаемую правду провозглашаемых Собором начал.¹¹

Хотя данная инициатива осталась не реализованной, обращение и ответ на него позволяют увидеть главную мысль и даже убеждение, которое митр. Евлогий разделял с некоторыми яркими фигурами, участвовавшими в Московском соборе, таким, например, как богослов прот. Сергей Булгаков или историк А. В. Карташев: собор был ориентиром, имея который Русская православная церковь, после своего освобождения от коммунизма, могла бы открыть новую страницу своей истории, а в ожидании этого момента собор должен послужить мерилom устройства церковной жизни в эмиграции.

Такая точка зрения не была всеми принята. Вскоре раздались и другие голоса, ставившие под сомнение авторитет Московского собора и отрицавшие некоторые его решения. В числе критиков собора оказался, например, профессор канонического права

стороны мирян заставил митр. Антония отказаться от всякой идеи проведения такого собора, вследствие чего пришлось ждать его кончины, последовавшей в 1936 г. Только его преемник митр. Анастасий (Грибановский) согласился созывать этот собор в Карловцах в 1938 г. См.: [Евфимий], а также [Кострюков].⁹ Можно заметить, что такие местные архиерейские соборы не предвиделись Поместным собором 1917–1918 гг.

¹⁰ Архивы Епархиального Управления в Париже (далее — АЕУП). Фонд митр. Евлогия. Д. Личная переписка (1923). Письмо без даты от 1923 г. Л. 1. Письмо было подписано проф. А. Н. Одарченко и А. В. Флоровским (братом будущего священника и богослова), а также ген. И. В. Новицким. Составители ожидали еще подписи прот. С. Н. Булгакова и прот. Г. А. Спасского.

¹¹ Там же. Письмо митр. Евлогия от 30.4.1923 г. Машинопись. Л. 1.

С. В. Троицкий, который был делопроизводителем одной из комиссий Московского собора. До революции чиновник Святейшего синода, эмигрировавший в 1920 г. в Сербию, сначала он защищал позиции русского зарубежного Синода, а затем с 1945 г. до своей смерти в 1971 г. был апологетом всеобщей юрисдикции Московского патриархата по русской диаспоре. С. В. Троицкий изложил свои аргументы в одной из своих поздних работ, опубликованных в 1960 г. под названием «О неправде Карловацкого раскола». В ней автор оспаривает каноничность собора 1917–1918 гг., поскольку он «состоял не из одних епископов, а в громадном большинстве из клириков и мирян», тогда как «каноны знают только соборы, состоящие из одних епископов» [Троицкий, 7]. Троицкий подчеркивает также «политический» характер решений Московского собора, на которые оказали особое влияние миряне — члены Государственной думы, представители гражданской администрации и интеллигенции. По его мнению, именно миряне играли «руководящую роль на общих собраниях Собора, тогда как епископское совещание, морально связанное своим участием в постановлениях общих собраний, не нашло возможным кассировать политические постановления таких собраний» [Троицкий, 8].

Сходную мысль заявила уже в 1935 г. предсоборная комиссия, отвечавшая за подготовку 2-ого собора РПЦЗ:

Миряне, превышая число епископов могут исказить самое лицо Собора, подчинив себе епископов. <...> Опыты Московского собора 1918 г. делают эти сомнения не столь безусловными» [Протокол, 112]¹².

На самом деле, не Московский собор 1917–1918 гг., а печальный опыт 1-ого Собора в Карловцах в 1921 г. подтверждал эти опасения, но сторонники РПЦЗ не могли критиковать этот собор, заложивший основу их собственного существования.

Другой крупный представитель РПЦЗ, еп. Серафим (Соболев), настоятель русского прихода в Софии, исходя из конкретного случая, высказал еще один аргумент, позволявший не принимать в расчет решения Московского собора: по его мнению, собор 1917–1918 гг. действовал «в ненормальное время», поэтому его постановления имели «только временное значение применительно к условиям момента» [Церковная жизнь, 3]. Являясь защитником монархической концепции епископата, владыка Серафим, который также после 1945 г. присоединился к юрисдикции Московского патриархата, отвечал тем, кто акцентировал признанные Московским собором права мирян в церковной жизни:

¹² Однако же, на 2-м Карловацком соборе мирян было больше, чем клириков (58 против 49).

«Прихожане не должны говорить о своих правах, но только помнить о своих обязанностях» [*Церковная жизнь*, 3]¹³.

Таким образом, обличители Московского собора в русской эмиграции 1920–1930 гг. сформулировали три основных критических аргумента по отношению к соборным постановлениям, а эти аргументы сводятся к следующему: демократический дрейф, риск политизации, конъюнктурные решения. Приходится констатировать, что в своем желании избежать путаницы между соборностью и демократией, те, кто не признавал значимости результатов собора, рисковали попасть в другую опасную крайность — «синодального», а не «соборного» видения церкви, разделяя и даже ставя преграды внутри членов самой церкви — между клиром и верующими, между церковью учащей и церковью учащейся. В результате выявлялись две абсолютно разные позиции: «легитимистская» линия в Париже и в Праге, считавшая абсолютно необходимым исполнение решений собора, и «ревизионистская» линия в Карловцах и в Софии, включавшая тех, кто предпочитал смягчить или даже упразднить эти выработанные на соборе нормы.

Применение решений собора в эмиграции

Вопрос о том, как решения Московского собора в отношении церковного устройства исполнялись тремя юрисдикциями в эмиграции необходимо предварить общей характеристикой самих этих решений. Кроме самого известного решения о восстановлении патриаршества, французский церковный историк, автор обобщающего исследования о Московском соборе, доминиканец о. Иакинф Дестивель выделяет еще несколько важных положений, касающихся епархии и прихода: определение кандидата на должность епархиального архиерея голосованием всеобщего епархиального собрания; «соборное» управление через представительные учреждения, на основе выборности с равным количеством клириков и мирян; активное участие мирян наравне с духовенством во всех аспектах церковной жизни [*Destivelle*, 303, 261–262]¹⁴.

Следует также различать декларации о Московском соборе со стороны представителей трех русских церковных юрисдикций за рубежом, которые принципиально не могли отказаться от соборных решений, несмотря на то, что некоторые из них, как мы видели, критически относились к этим положениям, и реальное

¹³ Такой выпад со стороны еп. Серафима (Соболева) против «демократического» духа Московского собора был сделан не без задней мысли, так как вопрос имел для него лично практическое значение. Это позволяло ему решить спор, который в 1926 г. возник между ним и частью прихожан русской церкви в Софии, во главе которых стояли близкие к митр. Евлогию протопр. Георгий Шавельский и проф. Н. Н. Глубоковский. Оба обвиняли еп. Серафима в противозаконном самовольном управлении приходом, без созыва общеприходского собрания и без избрания приходского совета.

¹⁴ Как ни странно, эти страницы не были включены в русский перевод книги [*Дестивель*].

применение этих самых постановлений в жизни той или иной юрисдикции. Наконец, необходимо иметь в виду, что решения Московского собора были разработаны для крупной поместной Церкви, существующей в стране с многовековой православной культурой. Применение этих решений в условиях эмиграции представляло собой сложное дело, которое приходилось постепенно решать. На самом деле, если внимательно посмотреть на церковную жизнь в эмиграции, можно констатировать, что потребовалось немало времени перед тем, как началось действительное осуществление решений Собора. Для этого были свои причины, одновременно материальные, психологические и канонические.

Материальные причины заключались в отсутствии документов: поскольку решения Собора были изданы в Москве в 1918 г. очень маленьким тиражом, трудно было найти их в свободном доступе за пределами России. Так, например, в 1921 г. настоятель церкви в Софии просил у владыки Евлогия копию актов собора, чтобы собрать приходской совет в соответствии с требованиями собора¹⁵. Распространению текстов собора способствовал журнал «Церковные ведомости» — официальный орган зарубежного Синода — выходивший в Белграде. В 1922 г. в первых номерах журнала были опубликованы в полном объеме постановления Поместного собора. Со своей стороны, в том же году Польская православная церковь издала две брошюры, содержащие эти же тексты. Таким образом, проблема доступа к источникам была решена.

Другие причины, *психологические*, были связаны с тем, что потребовалось время для того, чтобы новая модель церковного управления вошла в сознание, преодолев старые привычки, которые были сильны, особенно среди епископата. Так, например, в феврале 1921 г. митр. Антоний написал владыке Евлогию письмо, в котором сообщал о назначении последнего «управляющим русскими церквами в Европе» и предлагал следующий тип церковного управления:

Вы назначены как бы епархиальным архиереем для Европы. Думаю, что никакой беды не будет, если у Вас нет и не скоро окажется канцелярия... Секретаришку же завести в Берлине. Вы всегда можете, да и попикив двух-трех найдете, если пожелаете иметь епархиальный совет»¹⁶.

¹⁵ «Для организации прихода нужно бы иметь устав о приходе, выработанный на Всероссийском соборе, но в Софии его нет. Нельзя ли прислать нам один экземпляр хотя бы для переписки» (АЕУП. Ф. Епархиальное Управление. Д. Болгария (1921–1938). Письмо архим. Тихона (Ляшенко) к архиеп. Евлогию от 16.3.1921. Л. 2 об.).

¹⁶ АЕУП. Ф. Митр. Евлогий. Д. Личная переписка (1921–1924). Письмо митр. Антония к архиеп. Евлогию от 27.2.1921. Л. 2.

По сути в этом письме, с присущим ему обычно резким, порою грубым стилем, митр. Антоний предлагал воспроизвести епархиальное управление в том виде, в каком оно существовало в Российской империи в течение синодального периода (1721–1917), т. е. создать духовную консисторию, состоящую из трех священников, назначенных епархиальным архиереем, которые помогали бы в решении ограниченного круга вопросов (главным образом, рассмотрение документов, относящихся к назначению-перемещению подведомственных церковнослужителей, и бракоразводные дела).

Третьи причины — *канонические*. Рассеяние русских эмигрантов по всей Европе поставило их в трудную каноническую ситуацию. Некоторые эмигранты жили на территориях, некогда входивших в состав Российской империи и недавно получивших с одобрения московских церковных властей или без него статус церковной автономии или полной независимости. Такая ситуация сложилась, например, в Финляндии, в Польше и в балтийских странах. Другие изгнанники нашли приют на Балканах, где существовали автокефальные православные церкви, владевшие полным каноническим авторитетом и правами в своих пределах. С особого согласия предстоятелей некоторых из этих церквей русские эмигранты получили разрешение открыть в немногих определенных конкретных местах и иногда в ограниченное время отдельные церковные структуры, получившие специальный статус. Так, на территории будущей Югославии одному русскому архиерею было разрешено управлять самостоятельно теми немногочисленными приходами, основанными в этой стране русскими эмигрантами. Так же было и в Болгарии. Третий вариант представляли собой русские церкви в странах центральной и западной Европы, которые до революции находились под управлением митрополита Санкт-Петербургского и которые отныне были лишены общения со своим архиереем. Высшее церковное управление за рубежом решило поручить временное управление этими церквями архиеп. Евлогию «с правами и полномочиями епархиального архиерея» в соответствии с указом от 24 января 1921 г.¹⁷ Каноническое положение владыки Евлогия было подкреплено указом от 8 апреля 1921 г. за подписью патриарха Тихона, который, в свою очередь, назначил его возглавлять русские церкви в Западной Европе с согласия митрополита Петроградского Вениамина (Казанского), выраженного в личном письме от 21 июня 1921 г. Второй указ патриарха от 17 января 1922 г., который возводил владыку Евлогия в сан митрополита, еще более утвердил легитимность последнего.

Тем не менее, это двойное назначение, пришедшее из двух разных управлений, в сочетании с роковым решением митр. Евлогия, принятым в мае — сентябре 1922 г. и

¹⁷ АЕУП. Ф. Епархиальное Управление. Д. Высшее церковное управление (1921–1926). Указ от 24.1.1921, № 136. Л. 1 об.

позволившим карловацким епископам образовать «зарубежный Синод» вместо ликвидированного патриархом Тихоном ВЦУЗ, содержали зачатки юрисдикционного спора, который в 1926 г. привел к столкновению между, с одной стороны, карловацким синодом, этой группой архиереев без епархии, которую приютила Сербская церковь, но которая претендовала на управление всеми приходами русской эмиграции, включая приходы Западной Европы, а с другой стороны, настоящим епархиальным архиереем, митр. Евлогием, который настаивал на том, чтобы соблюдали его права и автономию его канонического удела в соответствии с полученным от патриарха указом о назначении.

С канонической точки зрения русским епископам-эмигрантам, пребывающим в Сербии и Болгарии, было трудно применить решения Московского собора просто потому, что ни у кого из них не было своей епархии. Лишь двое-трое из них управляли несколькими русскими приходами в границах тех поместных церквей, которые их приютили, и только потому, что они получили разрешение от местной иерархии. Однако это не помешало им принять документ, озаглавленный «Положение о русских заграничных епархиальных управлениях», в котором указывалось, что «управление российскими церковными общинами (приходами)... вверяется в каждом округе епископу, который управляет ими на основании определения Св. Собора Православной Российской Церкви об епархиальном управлении»¹⁸.

Что касается организации приходов, то отдельного документа по этому вопросу составлено не было и карловацкие епископы довольствовались приходским уставом 1918 г. Но они добавили к нему два исправления «в виду условий беженской жизни»¹⁹. Первое исправление касалось определения того, что такое приход, сформулированного так:

Приход есть общество верующих из клира и мирян, объединившихся вокруг временного или постоянного храма под пастырским водительством священника-настоятеля... находящееся в каноническом управлении своего епископа» [*Деяния*, 86].

Однако Московский собор определял приход несколько иначе:

Приходом называется общество, состоящее из клира и мирян, пребывающих на определенной местности и объединенных при храме, составляющее часть епархии и

¹⁸ См. § 1 «Положения...» во 2-м номере журнала «Церковные Ведомости» за 1922 г.: [*Положение*, 8].

¹⁹ Согласно формуле Э. Махароблидзе, секретаря ВЦУЗ, из предисловия к Уставу о православном приходе. См.: [*Деяния*, 86].

находящееся в каноническом управлении своего епархиального архиерея, под руководством поставленного последним священника-настоятеля» [*О приходе, 13*].

Второе изменение было введено как «общее примечание», которое утверждало: «епархиальному архиерею предоставляется право делать необходимые, вызываемые местными условиями, отступления от правил приходского устава» [*Деяния, 87*].

Эти изменения отнюдь не были безобидными. Во-первых, они предполагали упразднение территориального измерения прихода, как и его связи с постоянным культовым зданием — храмом (что было, конечно, понятно в условиях изгнания, когда русские эмигранты часто оборудовали скромные церкви в временных помещениях типа барака, частной квартиры или подвала). Во-вторых, они стирали явную связь между приходом и епархией (что и вполне понятно, так как приходы, основанные русскими эмигрантами на Балканах, строго говоря, не образовали епархию, как мы видели). В-третьих, и это абсолютно парадоксально, полномочия этих архиереев без епархии были расширены, поскольку ими присваивалось право по своей воле изменять постановления Московского собора, иначе говоря, за более низким органом управления была признана возможность отменить то, что установил более высокий орган церковной власти. Таким образом, совершалось настоящее искажение решений Московского собора.

Ситуация оказывалась совершенно другой в церковном уделе митр. Евлогия, поскольку он обладал законными «правами и прерогативами» епархиального архиерея. После периода колебаний, вызванных перемещением епархиального центра из Берлина в Париж в начале 1923 г., церковные органы начали организовываться. Сначала следовало основать приходы и зарегистрировать их у местных гражданских властей. Во Франции приходы были зарегистрированы как культовые ассоциации (религиозные общества) в рамках законодательства о культах 1905 г. Отметим, что уставы этих ассоциаций напрямую ссылались на Московский собор²⁰. Затем пришлось объединить эти ассоциации в одно «Управленческое епархиальное объединение религиозных обществ», устав которого был подан в Префектуру в феврале 1924 г., что дало официальный гражданский статус новому епархиальному управлению²¹. В статье № 2 данного устава говорилось, что

²⁰ Например, зарегистрированный 30.5.1923 устав прихода при Св.-Алекса́ндро-Невском храме на рю Дарю в Париже гласит: «Создается культовое общество <...> с целью обеспечения богослужений в точном соответствии с православным восточным греко-российским обрядом и с положениями Поместного Собора Православной Российской Церкви от 1-14 – 9/22 февраля 1918 г.» (Архивы Парижской Префектуры. Отдел Ассоциаций. Устав Русской культовой ассоциации в Париже, зарегистрированной 30.5.1923 г. Машинопись. Л. 1).

²¹ Оповещение о регистрации опубликовано в “*Journal Officiel*” от 28.2.1924, № 58. С. 2080.

Союз создан на основе «положений, одобренных Всероссийским поместным собором православной церкви 1917–1918 гг.»²²

Для утверждения этих новых структур в 1925 г. митр. Евлогий решил созвать епархиальный съезд, но из-за материальных трудностей эту идею пришлось отложить. Но вскоре развитие событий вынудило митрополита созвать такое собрание. Напряженные отношения с карловацким синодом достигли критической точки осенью 1926 г., когда Германское викариатство было отнято из-под управления владыки Евлогия без его согласия: синод преобразовал это викариатство в самостоятельную епархию. Конечно, определение Московского собора от 18 августа 1918 г. «Об учреждении новых епархий» позволяло разделить одну епархию на две, но только после согласования с местным архиереем, а также с клириками и мирянами данной области, что тут соблюдено не было.

Отвечая на требования Карловацкого синода, митр. Евлогий чувствовал необходимость опираться на всеобщее согласие, как об этом говорила передовица первого номера епархиального журнала «Церковный Вестник», изданного в Париже в 1927 г.:

События прискорбных церковных разногласий минувшей зимы вновь поставили на очередь созыв епархиального собрания для соборной работы митрополита Евлогия с клиром и мирянами, согласно основным положениям Московского Собора [*Епархиальное собрание, 13*].

В июле 1927 г. в Париже на Сергиевском подворье впервые состоялось собрание клириков и мирян, которое учредило епархиальное управление в соответствии с решениями Поместного собора. В своей речи на открытии съезда владыка Евлогий заявил: «Мы не новое здание будем строить, а лишь применять и осуществлять ту структуру, которую создал Московский Поместный Собор Российской Церкви в 1917–1918 гг.» [*Евлогий 1927, 16*]. Для осуществления этой цели, собрание приняло документ, который назывался «Правила об управлении православными русскими церквами в Западной Европе, на основании ст. 37 главы III об епархиальном собрании (Положения Московского Священного Собора)» — внутренний нормативный документ, который дополнял гражданский устав, принятый раньше французскими властями²³.

Этот текст дважды ссылался на Московский собор: «Ст. 4. Пределы власти митрополита, как правящего архиерея, а также порядок управления вверенными ему

²² АЕУП. Ф. Епархиальное Управление. Д. Регистрация. Устав Управленческого епархиального объединения религиозных обществ, зарегистрированного 28.2.1924. Отд. изд. Париж. 1924. С. 2.

²³ См.: АЕУП. Ф. Епархиальное Управление. Д. Епархиальное собрание 1927 г. Правила об управлении православными русскими церквами в Западной Европе. Л. 1 об.

церквами, определяется во всем на точном основании постановлений Московского священного Собора об епархиальных управлениях...»²⁴. Ст. 14 указывала, что епархиальный совет собирается «в соответствии со ст. 49 и 53 собора» и состоит из семи членов, в том числе трех клириков и трех мирян, да еще председатель обязательно из клира, таким образом, чтобы в этом органе всегда было большинство церковнослужителей²⁵.

Один из участников епархиального собрания И. В. Никаноров так охарактеризовал состояние духа, которое царило в его работе:

Какой бы вопрос из стоявших в программе собрания мы ни взяли, он или целиком или корнями лежит в постановлениях Московского Поместного Собора, которые известны далеко не в той широте, как нужно, а еще меньше того выполнены. А в них залог благоустройства нашей церковной жизни [*Никаноров, 3*].

После собрания 1927 г. митр. Евлогий возглавил еще три собрания клириков и мирян — в 1930, 1933 и 1936 гг. Очередное собрание было запланировано на 1939 г., но его пришлось отложить из-за начала войны. Пришлось ждать 1946 г., чтобы возобновился созыв епархиальных собраний с регулярностью раз в три года, но на этот раз уже под председательством преемника владыки Евлогия, митр. Владимира (Тихоницкого), который тоже был участником Поместного собора в Москве в качестве викарного епископа Гродненской епархии.

Текст епархиального устава, принятый собранием 1927 г., стал несколько лет назад объектом исследований архим. Саввы (Тутунова), специалиста по каноническому праву, который на сегодняшний день является заместителем управляющего делами Московской патриархии [*Савва*]. В результате очень критического разбора устава 1927 г. в свете решений Поместного собора 1917 г. архим. Савва приходил к следующим выводам. Во-первых, собрание 1927 г. будто бы самопровозгласило себя «епархией» и в соответствии с этим организовало свое административное устройство, применив к себе определение собора об епархиальном управлении, превысив свои полномочия. Во-вторых, по его мнению, устав пошел дальше решений собора, давая им «свободную интерпретацию», в том, что действующая практика внутри Русского экзархата Константинопольского патриархата (*другое название — Западноевропейской архиепископии*) склонилась «к равновесию между иерархическим принципом и идеей содействия клира и мирян в

²⁴ Там же. Л. 2 об.

²⁵ Там же. Л. 4 об.

церковном управлении» в пользу второго принципа. Наконец, отсюда вытекает третье нарекание — получилось нарушение «органического и гармонического взаимодействия различных уровней церковного управления», предусмотренного решениями Поместного собора 1917 г. [*Савва*, 254].

Однако эти нарекания не кажутся нам оправданными. Первое не соответствует реальности, поскольку владыка Евлогий с момента своего назначения в 1921 г. был наделен «правами и полномочиями епархиального архиерея». Второе также совершенно безосновательно, поскольку устав давал численное превосходство клирикам в рамках епархиального совета и оставлял за епископом право вето на все решения совета и епархиального собрания. Третий упрек выявляет свою несостоятельность, если в действительности сравнить, как вчера и сегодня в каждой православной поместной церкви (в том числе и Русской) осуществлялось и осуществляется то «органическое и гармоническое взаимодействие различных уровней церковного управления», о котором говорит автор данной статьи.

Выводы другого специалиста, уже процитированного католического священника о. Иакинфа Дестивеля, у которого есть преимущество взгляда на ситуацию с внешней стороны, представляются нам более объективными и взвешенными. Он констатирует, что «устав архиепископии... применяет основные положения поместного Собора 1917 года об епархии и приходах» [*Destivelle*, 261], учитывая только, что «это применение происходит в особой обстановке <осуществления> соборности», которая объясняется «условиями рождения архиепископии вдали от своего исторического центра и ее статусом» внутренней автономии в рамках Константинопольского патриархата [*Destivelle*, 262].

Если теперь смотреть на положение в других юрисдикциях русской эмиграции 1930-х гг. в западной Европе, можно отметить, что в юрисдикции РПЦЗ оказались две епархиальные структуры — одна для Германии, а другая для остальных стран. Документации о них сохранилось немного, поскольку эти епархии, центры которых находились соответственно в Берлине и в Париже, не вели регулярных журналов. Их организация кажется менее структурированной и более спорадической, чем в епархии митр. Евлогия. Например, в этих двух епархиях нет следов епархиального собрания, кроме как один раз в Париже в 1934 г.²⁶ Известно также, что в Берлине, как и в Париже, существовали при местных архиереях РПЦЗ епархиальные советы, но их клирики и миряне не выбирались, а назначались епископом. Этот метод управления даже получил оформление в двух официальных документах: в «Положении о Православной Церкви в

²⁶ См.: Церковная Жизнь. 1934. № 12. С. 194. См. также: Епархиальное собрание // Возрождение. 1934. 27 ноября. № 3463. С. 2.

Германии», появившемся в октябре 1935 г.²⁷, и во «Временном Положении о РПЦЗ», составленном в сентябре 1936 г.²⁸

Первый из этих текстов, принятый впервые годы нацистского режима и с его одобрения, очень показателен. Только в 7-ой статье он говорит о необходимости руководствоваться решениями Московского Поместного собора²⁹, но в реальности он дает место только епископской власти: приходы основываются епископом; любые верующие, не относящиеся к определенному приходу, могут стать частью епархии по решению епископа; члены епархиального совета назначаются епископом, а состав и полномочия епархиального собрания четко не определены [*Положение Церкви в Германии*, 85]. Так что здесь мы далеки как от определений, так и от духа Поместного собора 1917–1918 гг.

За неимением доступной документации трудно также представить точную ситуацию в редких приходах, которые решили в 1931 г. сохранять связи с заместителем местоблюстителя патриаршего престола митр. Сергием (Страгородским) вместо того, чтобы следовать за митр. Евлогием. На самом деле эти общины изначально не входили в самостоятельную епархию, а находились под управлением митрополита Ковенского Елевферия (Богоявленского), который время от времени приезжал к ним с пастырским визитом. Кажется, что в 1930-х гг. эти общины следовали нормам Московского собора в образе приходского устройства (ежегодные собрания и выбираемый приходской совет), но также частично и по общему своему устройству, поскольку эти приходы во Франции были объединены в благочиние, которое управлялось советом благочиния, состоящим из нескольких клириков и мирян, способ назначения которых, впрочем, нам неизвестен³⁰.

После 1946 г. эти приходы оказались собраны в Западноевропейском экзархате Московского патриархата (который был тогда создан именно как параллельная структура, можно сказать, в противовес Русскому западноевропейскому экзархату Константинопольского патриархата). Бывший участник Московского собора 1917 г., проф. А. В. Карташев в личной переписке свидетельствует, что в то время в экзархате Московского патриархата преобладало скорее враждебное отношение к представительским и выборным принципам, введенным собором 1917–1918 гг. Так, рассказывая о позиции епископа, отправленного Москвой в Париж после похорон митр. Евлогия летом 1946 г., Карташев пишет:

²⁷ См. полный текст в журнале «Церковная Жизнь»: [*Положение Церкви в Германии*].

²⁸ См. полный текст в книге: [*Церковные законы*, 5–12].

²⁹ «Епископ управляет епархией согласно канонам Православной Церкви и в соответствии с положениями Всероссийского собора от 14–22 февраля 1918 г.» [*Положение Церкви в Германии*, 85].

³⁰ Члены благочинного совета, кажется, избирали своего председателя, в такой должности состоял сперва архим. Афанасий (Нечаев) с 1933 по 1943 гг., а затем архим. Стефан (Светозаров) с 1943 по 1947 гг. (Ср.: [*Нивьер*, 87, 471]).

Архиепископ Фотий (Топиро), исполняя директивы своего начальства, дает интервью через две просоветских газеты и в них произносит разные грубости и глупости. <...> Они в Москве считают у нас незаконным все приходские советы, все выборы и епархиальные съезды, ибо у них в Совдепии все эти плоды Собора 1917–18 г. похерены росчерком пера и введено всеобщее назначение сверху. Отсюда вывод: вся наша церковная жизнь незаконна...³¹.

Следует прибавить, что в это время решения собора 1917–1918 гг. не применялись Московской патриархией ни на одном из уровней церковной жизни на территории Советского союза, поэтому неудивительно, что они тогда не применялись и в зарубежных учреждениях этого патриархата (за исключением Сурожской епархии, созданной в начале 1960-х гг.).

Заключение

Сведения о степени применения принципов Московского Поместного собора в трех церковных юрисдикциях, возникших в русской эмиграции, мы в качестве заключения попытались обобщить в следующей таблице:

1920–1940 гг.		РПЦЗ	Русский экзархат КП	Зарубежные приходы МП
Упоминается Собор 1917 г.	в уставе	да	да	нет
Осуществление соборности	по уставу	да, формально	да	нет
	в действительности	частично	реально	частично
Епархия	епархиальный епископ:			
	– выбирается епархией;	нет	да	нет
	– выбирается синодом	да	да	да (?)
Епархия	епархиальное собрание:	теоретически да, на деле нет	да	нет
	– с паритетом клира и мирян;	нет	да	нет
	– регулярность	нет	да	нет
Епархия	епархиальный совет:	да	да	нет / да ³²
	– избираемый;	нет	да	нет (?)

³¹ Из письма Г. И. Новицкому от 20 сентября 1946 г. См.: [Письма, 187].

³² Для благочиния во Франции.

	– с паритетом клира и мирян	нет	да	нет
Приход	– приходские собрания	да	да	да
	– советы из клира и мирян	да	да	да

Из этой таблицы видно, что на уровне приходского устройства нормы Московского Поместного собора 1917–1918 гг. кажутся соблюденными в каждой из трех юрисдикций в 1930-х гг. Что касается епархиального устройства, напротив, две из трех юрисдикций находились вне решений этого собора, тогда как третья, Русский Экзархат КП, судя по всему, довольно широко применял их. Как нам кажется, упрек же в адрес этой юрисдикции в том, что она вышла за пределы соборных решений и даже нарушила их, является совершенно необоснованным.

Литература

1. *Александров* = Александров В. В. Церковь и право: критика Московского собора 1917–1918 годов в богословии отца Николая Афанасьева // Вестник РХД. 2016. № 206. С. 135–147.
2. *Дестивель* = Дестивель Иакинф, свящ. Поместный Собор Российской Православной церкви 1917–1918 годов и принцип соборности. М. : Изд. Крутицкого Патриаршего подворья ; Общество любителей церковной истории, 2008. 312 с.
3. *Евлогий 1947* = Евлогий (Георгиевский), [митрополит]. Путь моей жизни. Paris : YMCA-Press, 1947. 678 с.
4. *Евфимий* = Евфимий (Логвинов), иером. О восприятии Всероссийского Собора 1917–1918 гг. в Русской Православной Церкви за границей // XVI Ежегодная богословская конференция ПСТГУ : Материалы : В 2 т. Т. 1. М. : Изд-во ПСТГУ, 2006. С. 196–203.
5. *Кострюков* = Кострюков А. А. Борьба зарубежных иерархов с демократическими тенденциями в церковном управлении в двадцатые годы XX века // XVIII Ежегодная богословская конференция ПСТГУ : Материалы : В 2 т. Т. 1. М. : Изд-во ПСТГУ, 2008. С. 123–129.
6. *Кривошеева* = Кривошеева Н. А. Русские эмигранты — члены Всероссийского Поместного Собора 1917–1918 гг. // XVIII Ежегодная богословская конференция ПСТГУ : Материалы : В 2 т. Т. 1 М. : Изд-во ПСТГУ, 2008. С. 227–231.
7. *Нивьер* = Нивьер А. Православные священнослужители, богословы и церковные деятели русской эмиграции в Западной и Центральной Европе : 1920–1995 : Биографический справочник. Москва; Париж : Русский Путь ; ИМКА-Пресс, 2007. 614 с.
8. *Письма* = «После годов голода и лишений у нас чувство разговенья, сытости и благополучия» : Письма А.В. Карташева Г.И. Новицкому, 1946–1947 гг. / Публ. и ком.

- А. В. Антощенко и Н.В. Николаенко // Вестник Омского Университета. Серия: Исторические науки. 2016. № 4 (12). С. 181–194.
9. *Савва* = Савва (Тутунов), архим. Резолюции Епархиального собрания «Парижской митрополии» 1927 г. : проведение в жизнь определений Собора 1917–1918 гг. // XVIII Ежегодная богословская конференция ПСТГУ : Материалы : В 2 т. Т. 1. М. : Изд-во ПСТГУ, 2008. С. 251–255.
 10. *Троицкий* = Троицкий С. В. О неправде Карловацкого раскола. Paris : Editions de L'Exarchat Patriarcal Russe en Europe Occidentale, 1960. 148 с.
 11. *Destivelle* = Destivelle H. Le concile de Moscou (1917–1918) : La création des institutions conciliaires de l'Eglise orthodoxe russe. Paris : Cerf, 2006. 505 p.
 12. *Škarovskij* = Škarovskij M. La ricezione del concilio di Mosca in epoca sovietica // Il concilio di Mosca del 1917–1918 : Atti dell'XI Convegno ecumenico internazionale di spiritualita ortodossa. Sezione russa (Bose, 18–20 settembre 2003) / D. V. Pospelovskij, G. Schulz, V. Cypin, H. Legrand. Magnano : Edizioni qiqajon comunita di Bose, 2004. P. 289–316.